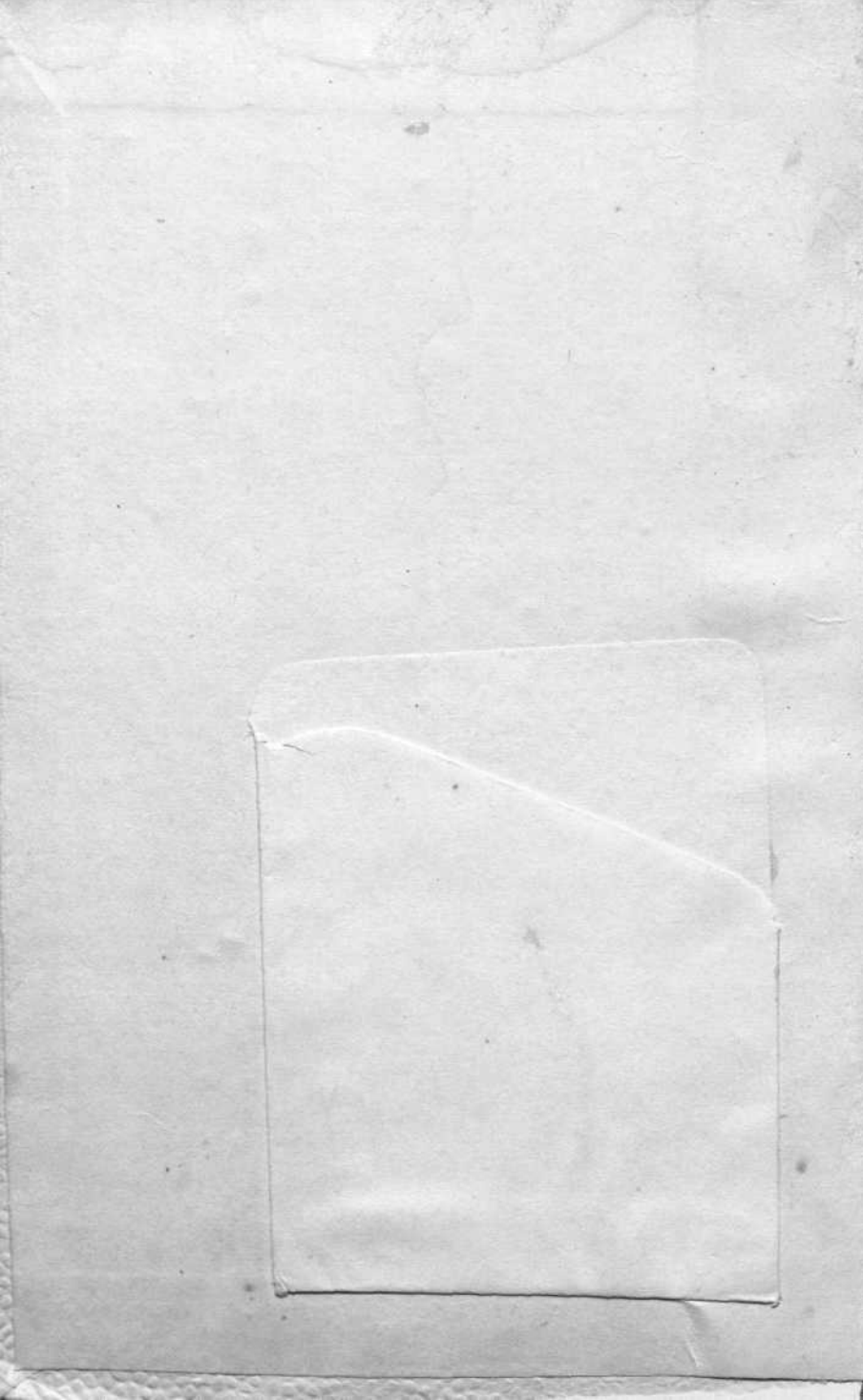

Богданов.

Охота в Симбирских
Садах.

Симбирск.

ИЗЪ РУССКОЙ ПРИРОДЫ.

573.

Охота въ сибирскихъ садахъ.

РАЗСКАЗЫ
профессора зоологіи
М. Н. БОГДАНОВА.

Съ рисунками. ==

Мин. Нар. Пр. допущены въ ученическія
библіотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ
заведеній Министерства и въ бесплатныя
народныя читальни и библіотеки.

Изданіе 3-е Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.— 1914.

НИИ СХРАНИЛИЩЕ

ОХОТА ВЪ СИБИРСКИХЪ САДАХЪ.

1964

Модестъ Николаевичъ Богдановъ.

Охота въ симбирскихъ садахъ.

«Зачѣмъ я пѣть тебя не смѣю,
Симбирскъ, мой скромный городокъ,
И, какъ непризнанный пророкъ,
Молчу надъ лирою своею...»

е помню дальше, потому что эти стихи написаны давно; гдѣ напечатаны — не знаю. Написаны они однимъ изъ нашихъ любимыхъ учителей, Николаемъ Александровичемъ Гончаровымъ, братомъ знаменитаго писателя. Это былъ замѣчательный чудакъ. Добрый и честный, вѣчно задумчивый, безпамятный, но въ то же время общій любимецъ. Какъ теперь

гляжу на его толстенькую фигуру, круглое лицо, коротко остриженную голову, на его добрые сѣрые глаза, постоянно блуждающіе, словно онъ не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ. Да, онъ и вправду ничего не видѣлъ. Войдетъ, бывало, въ классъ: всѣ встанутъ, по обычаю, прочтутъ молитву, а Николай Александровичъ похаживаетъ въ это время по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и что-то бормочетъ про себя. Онъ имѣлъ странную привычку какъ-то особенно вертѣть пальцами. Послѣ молитвы наступала мертвая тишина въ классѣ, но не надолго: то тамъ, то тутъ начиналась возня, говоръ, смѣхъ. Шумъ усиливался. Наконецъ Гончаровъ какъ будто пробуждался отъ этого шума; круглая фигурка его быстро по-

вертывалась на всемъ ходу, сѣрые глаза устремлялись на какого-нибудь ученика.

— Это ты, ты шумишь? Я тебя запишу!..

Гимназистикъ моментально исчезаетъ подъ лавкой.

— Гдѣ, гдѣ онъ? Подайте его сюда!—вопилъ учитель.

Виноватаго вытаскивали и подводили къ каѳедрѣ.

Учитель садился на стулъ и грозно требовалъ отвѣта.

— Отвѣчай, шалунъ!..

Отвѣты наши обыкновенно были не блестящи; но каждый неловкій отвѣтъ точно воодушевлялъ учителя. Онъ начиналъ разъяснять то или другое грамматическое правило, и, нужно сознаться, мы заслушивались его тогда. Николай Александровичъ былъ поэтъ въ

душѣ, и эту поэзію онъ вносилъ въ грамматическую сушь. Мы любили часы уроковъ грамматики также и потому, что чувствовали себя какъ-то вольнѣе, свободнѣе, чѣмъ у другихъ учителей. Въ разныхъ углахъ класса шли рассказы, толки. Можно было сидѣть, какъ и гдѣ хочешь, можно было спорить и даже шалить; только иной разъ грозно раздается голосъ Николая Александровича:

— Тише, барышни, тише!

Величалъ онъ насъ барышнями потому, что давалъ уроки въ женскомъ Елизаветинскомъ училищѣ и, по разсѣянности, ему казалось иногда, что онъ тамъ, а не въ гимназій.

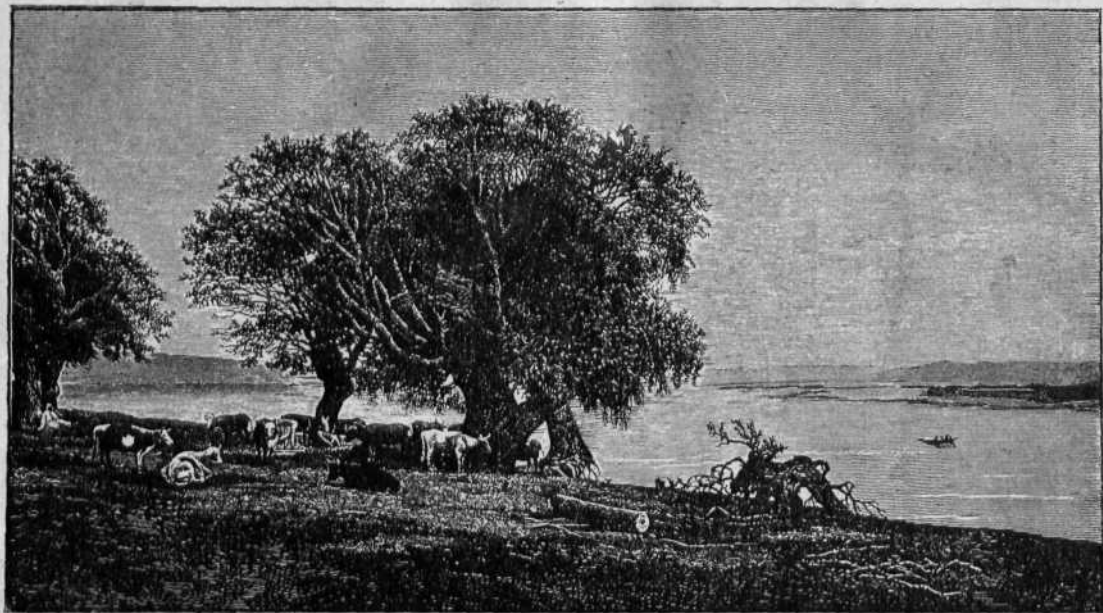
Вы меня не осудите, что я вспомнилъ своего добраго учителя, начавъ рассказъ про наши былыя

охоты въ томъ самомъ скромномъ городкѣ, который воспѣлъ тоже скромный и неизвѣстный поэтъ.

Тяжелое дѣло для школьника вернуться въ городъ осенью и засѣсть за школьную скамью. Трудно приниматься за ученье; свѣжи еще въ памяти лѣтнія забавы. Вотъ и собираются на лавкахъ кучками гимназисты: въ одномъ мѣстѣ — рыболовы, въ другомъ — голубятники, тутъ — птицеловы, тамъ — наѣздники... да что, и не перечтешь этихъ кучекъ, не переслушаешь и разговоровъ, которые ведутся въ каждой изъ нихъ. Весь этотъ людъ дѣлится своими впечатлѣніями, рассказываетъ объ удачахъ и неудачахъ, хвалится своими пріобрѣтеніями. Тутъ идутъ мѣна

и торгъ, идутъ сговоры на осеннія охоты. Какъ теперь помню, во время одного класса грамматики, около носатаго гимназиста, по прозванью „турка“, собрался кружокъ. Дѣло шло о большой охотѣ въ садахъ; турокъ подбиралъ артель и ораторствовалъ. Надо рассказать, что такое эти сады.

Симбирскъ, о которомъ идетъ рѣчь, стоитъ на Волгѣ, на высокой горѣ въ нѣсколько десятковъ сажень. Крутой склонъ къ Волгѣ, окаймляющей городъ съ востока и съ юга на нѣсколько верстъ, покрытъ сплошными фруктовыми садами. Внизу, по берегу Волги, раскинулась слободка съ большими хлѣбными амбарами волжской пристани. Сады различныхъ владѣльцевъ отдѣлены другъ отъ друга плетнями. Напрасно искать

На берегу Волги близъ Симбирска.

въ этихъ садахъ аллеѣ, усыпанныхъ пескомъ, тѣнистыхъ, высокихъ деревьевъ, бесѣдокъ и тому подобныхъ затѣй. Это цѣлые лѣса яблонь, грушъ, сливъ, вишенъ, попеременно съ кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины. Въ каждомъ садикѣ есть непременно избушка или шалашъ, гдѣ живетъ сторожъ, онъ же и садовникъ. Въ иныхъ садахъ есть даже маленькіе домики, гдѣ постоянно живутъ сами хозяева. Эти сады — настоящій рай для птицелова. Подъ осень, когда соберутъ съ деревьевъ груши и яблоки, сады пустѣютъ совершенно; ихъ сторожа, садовники и владѣльцы переселяются въ городъ, потому что зимой ходить по крутому склону, покрытому снѣгомъ, почти невозможно. Вотъ туда-то, въ былое

время, ежегодно осенью, по праздникамъ отправлялись артели гимназистиковъ. Объ одномъ изъ такихъ походовъ я и хочу рассказать. Это было въ началѣ сентября. Въ тотъ годъ 8-е сентября (праздникъ Рождества Богородицы) приходилось на понедѣльникъ, слѣдовательно, у насъ было слишкомъ два дня для охоты. Вотъ по этому-то поводу и ораторствовалъ мой турокъ. Надо было выбирать людей. Иного возьмешь, да и наплачешься съ нимъ, всю охоту испортить. На этотъ разъ мы выбрали испытанныхъ товарищей. Между ними, кромѣ птицелововъ, были два рыбака, одинъ яблочникъ, одинъ кашеваръ, трое загонщиковъ и четверо ловцовъ. Кромѣ нашей, составились и другія артели, при чемъ не обошлось

безъ ссоръ. Въ концѣ - концовъ, однако, рѣшили не ссориться изъ-за мѣсть, не мѣшать другъ другу, а главное, въ случаѣ нападенія, стоять за своихъ крѣпко. Дѣло въ томъ, что въ сады зря ходить было опасно, несмотря на ихъ пустоту. Осенью тамъ нерѣдко укрывались разные бродяги, шлепались бурлаки, прокармливаясь недобранными фруктами. Иногда они обижали нашего брата, безъ церемоніи отбирая у насъ хлѣбъ и всякіе съѣстные припасы; поэтому мы не только не ходили туда въ одиночку, но каждая артель брала съ собой или ружьишко или пистолетъ.

Сверхъ того, нерѣдко бывали стычки съ другими городскими птицеловами, иногда кончавшіяся крупной потасовкой; бились мы

не разъ и съ семинаристами, которые шлепались по садамъ ради *стомаха*¹⁾), т.-е. попросту, чтобы набить голодное брюхо даровыми яблоками и грушами. Война у насъ съ семинаристами была стародавняя. Тянулась она гораздо долѣе, чѣмъ осада Трои. Изъ-за чего и какъ началась она — того никто не помнилъ, но, по завѣту нашихъ предшественниковъ, мы ее продолжали стойко, какъ будто и впрямь не хотѣли посрамить земли русской. Она велась на улицахъ города, въ публичныхъ садахъ, — словомъ, вездѣ, гдѣ только встрѣчались грамматики, философы и богословы съ „красной говядиной“ — какъ называли насъ семинаристы за красный воротникъ

¹⁾ Желудка.

нашей форменной одежды. Драки эти принимали иногда видъ настоящей войны, и бойцовъ разгоняла полиція.

Странно, что между семинаристами почти не попадалось птицеводовъ и вообще охотниковъ. Въ сады ихъ загонялъ только голодъ, при чемъ, конечно, не обходилось безъ стычекъ съ сторожами. Наши же гимназистики этимъ дѣломъ не промышляли, и потому мы всегда находили въ садахъ любезный пріемъ, а подчасъ и угощеніе.

Въ субботу, 6-го сентября, послѣ обѣда, наша артель отправилась въ путь; но, чтобъ за нами не слѣдили, мы шли поодиночкѣ и только за городомъ сошлись въ условленномъ мѣстѣ. У каждаго былъ свой грузъ: одни несли

24182

Въ окрестности Симбирска. Вдали видна полоска Волги.

Охота въ симбирск. садахъ.

ОХРАНИЛИЩЕ

ОХРАНИЛИЩЕ

В. И. ДАНИИЛА

снасти, другіе — удочки, третьи — провизію, посуду, оружіе. Двѣнадцатымъ нашимъ спутникомъ была легавая собака одного изъ артельщиковъ, громаднаго роста и непо-мѣрной силы, которую мы неиз-мѣнно брали съ собой. Съ этимъ товарищемъ мы ничего не боялись: ни бродягъ, ни философовъ, ни богослововъ. Полчаса спускались мы въ одинъ изъ дальнихъ садовъ, который славился обиліемъ птицы; тамъ расположились въ большомъ тепломъ соломенномъ шалашѣ и живо принялись за работу. Рыбаки пошли на Волгу, остальные принялись расчищать точки, прилаживать снасти. Натаскали въ шалашъ сѣна; въ сторонѣ, подъ крупнымъ обрывомъ, устроили очагъ. Яблочникъ отправился съ сумкой собирать яблоки и груши;

затѣмъ развели на очагѣ огонь, и кашеваръ занялся приготовленіемъ ужина. На этотъ разъ ужинъ вышелъ роскошный. Рыболовы вернулись рано съ порядочнымъ запасомъ разной рыбешки. Одинъ изъ нихъ съ торжествомъ показывалъ издали цѣлую связку жирныхъ стерлядокъ, купленныхъ у рыбака за гривенникъ. Сварили уху, заварили чайку, наѣлись, напились, спѣли хоромъ пѣсенку и залегли въ шалапѣ спать, накрывшись, вмѣсто одѣялъ, толстымъ слоемъ душистаго сѣна. Валетка улегся тутъ же, на сѣнѣ. Только что стали мы засыпать, какъ вдругъ кто-то закричалъ дикимъ голосомъ: „Караулъ! караулъ! волкъ!“ Валетка бросился въ садъ, мы схватили что попало — и за нимъ. Началась отчаянная гонка.

Валетка лаялъ, кидался на кого-то съ ожесточеніемъ, но на кого — мы и понять не могли. Раздавалось странное рычанье, блестячи-то глаза. Наконецъ послышался отчаянный крикъ и ворчанье Валетки. Тутъ мы только поняли, что мнимый волкъ — просто котъ.

Лѣтомъ, пока работали въ садахъ, пока жили сторожа, тамъ разводилось много кошекъ. Онѣ истребляли птичьи гнѣзда и выводки и подъ конецъ совершенно дичали, такъ что съ осени ихъ не могли даже захватить съ собой хозяева. Осенью онѣ питались мышами, а зимой многія изъ нихъ гибли отъ голоду. Ночью эти воры подкрадывались къ нашимъ шаламамъ, разламывали клѣтки и пожирали птицъ, поэтому мы ихъ

терпѣть не могли и, при помощи Валетки, преслѣдовали ихъ безпощадно. И на этотъ разъ громадному черному коту тоже пришлось поплатиться своей шкуркой. Остальная часть ночи прошла совершенно тихо.

Рано утромъ, едва показалось за Волгой солнышко, мы были уже на ногахъ, наскоро напились чаю и отправились каждый къ своему мѣсту. Загонщики разносили и разставляли западни, осыпали заросли репейника силковой снастью на щеглять. Мнѣ въ тотъ разъ выпалъ жребій ловить дроздовъ понцами. Понцо, это — два полотнища тонкой филейной сѣтки. Концы ихъ привязаны къ палочкамъ, а вдоль длинныхъ боковъ протянуты бечевки. Ставятся они

по обѣ стороны точка, параллельно. Внутреннія бечевки, обращенныя къ точку, имѣютъ около палочекъ петли. При помощи кольевъ, вставленныхъ въ петли и вколоченныхъ въ землю, бечевки натягиваются туго. Наружный конецъ одной пары палокъ снабженъ короткой бечевкой, конецъ которой колышкомъ прикрѣпляется къ землѣ на одной линіи съ другими кольями. Концы двухъ противоположныхъ палочекъ тоже имѣютъ бечевки, связанные вмѣстѣ, и отъ нихъ уже идетъ длинная веревка къ шалашу птицелова. Стоить только дернуть за эту веревку, какъ оба полотна понцевъ переметываются другъ къ другу и быстро накрываютъ точокъ. Понцы—превосходная снасть для ловли птицъ и далеко лучше лучка. Они

могутъ быть и маленькія и большія, длиною даже въ нѣсколько сажень. Ими ловятъ самыхъ разнообразныхъ птицъ, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ. Но для успѣха ловли необходимо выполнить два условія: во-первыхъ, понцы должны быть установлены правильно, а во-вторыхъ, ловецъ долженъ быть мастеръ своего дѣла, что вовсе не легко: надо дернуть веревку такъ, чтобы понцы перекинулись моментально, иначе всѣ птицы успѣютъ улетѣть.

Утро было чудно хорошо — ясное, теплое. Кругомъ стояли яблони, груши съ покраснѣвшими, пожелтѣвшими листочками. Передо мной раскинулась голая площадка, на которой, среди зелени, чернѣлъ точокъ, а далѣе виднѣ-

лась широкая полоса матушки Волги. Плыли суда, вился черный дымокъ отъ парохода, словно утки сновали по рѣкѣ рыбачьи челны. Кругомъ, въ пожелтѣвшей листвѣ, звонко раздавались голоса синичекъ, усердно очищавшихъ стволы яблонь отъ яичекъ бабочекъ. Порой проносились высоко въ воздухѣ стаи журавлей, лебедей, гусей утокъ. Какъ ни хороша была картина, но солнышко грѣло такъ ласково, что я чуть не вздремнулъ, и непременно заснулъ бы, если бы не подлетѣла стайка зеленыхъ чижей. Веселые звуки скрипки, на которую больше всего похожъ голосъ чижики, раздались слѣва, въ чащѣ яблонь. Ближе, ближе; вотъ, наконецъ, надъ вершиной яблони показался чижь-передовикъ и остановился тутъ

Видъ на Волгу у Симбирска.

съ подозрительнымъ чириканьемъ. Одинъ за другимъ подвалили къ нему десятки чижей. Видъ чернаго точка, усыпаннаго коноплей, сережками ольхи и ягодами рябины, около которыхъ скакали манные чижи, овсянки и дрозды, очевидно, смутилъ странниковъ. Между ними пошли бойкіе переговоры. Маннѣй чижикъ безпокойно закружился въ клѣткѣ, обрадовавшись своимъ родственникамъ, и зачирикалъ изо всѣхъ силъ, приглашая ихъ къ себѣ. Но гости церемонились и туго шли на приглашеніе. Они осторожно стали спускаться на нижнія вѣтви березы, подозрительно высматривая своего злополучнаго собрата. Это самая лучшая минута въ жизни птицелова. Тутъ рѣшается важный для него вопросъ; не подходите

къ нему близко: онъ бросится на васъ, какъ звѣрь, кто бы вы ни были. Это какой-то полоумный. Глаза его видятъ только птицъ и точокъ; натянувшія бечевку руки дрожатъ какъ въ лихорадкѣ. Онъ самъ себя не помнитъ отъ волненія и страха. А ну, какъ кто-нибудь испугаетъ птицъ.

На этотъ разъ, однако, этого не случилось. Одинъ голодный чижъ порхнулъ на точокъ и сталъ ѣсть приваду; его примѣру не замедлили послѣдовать и другіе. Стая была огромная, по крайней мѣрѣ, штукъ въ полтораста. Я дернулъ веревку и выскочилъ изъ шалаша. Представьте же мой ужасъ: одно полотно понцевъ стояло торчкомъ, а подъ другимъ билось только три или четыре чижа! Остальная стая летѣла уже далеко. Я до такой

степени опѣшилъ, что сразу не могъ даже понять, какъ это случилось; но причина неудачи скоро разъяснилась. Оправляя понцы, я задѣлъ ногой сломанный сукъ яблони, а онъ зацѣпилъ за наружный край сѣти. Оправивъ понцы и вынувъ чижей, я снова спрятался въ шалашъ. Но — увы! — счастье какъ будто отвернулось отъ меня. Стая за стаей — чижи, зяблики и разная другая птица — летѣли мимо меня, и ни одна не присѣла на мой точокъ. Такъ прошло добрыхъ два-три часа. Наконецъ - то судьба сжалилась надо мной; мнѣ удалось накрыть десятка полтора зябликовъ. Только что успѣлъ я управиться съ ними, какъ раздался звукъ свистка (нашъ условный сигналъ къ обѣду). Приведя въ порядокъ снасти и спря-

тавъ манныхъ птицъ въ укромное мѣстечко, я, не спѣша, отправился къ шалашу; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ сигналъ повторился, а затѣмъ и еще разъ. Это ужъ означало тревогу. Я бросился бѣгомъ, насколько позволяли силы. Едва я добрался до лагеря, какъ моимъ глазамъ представилась далеко не веселая картина. Горшокъ съ ухой былъ опрокинутъ; нашего кашевара повалили на землю два рослыхъ семинариста; двое другихъ товарищей съ отчаяніемъ отбивались палками отъ цѣлой шайки грамматиковъ. Схвативъ первую попавшуюся палку, я бросился на выручку кашевара. Ударомъ по головѣ мнѣ удалось оглушить здоровеннаго философа; но полугнилая палка тутъ же разлетѣлась вдребезги.

Не долго думая, я хватилъ другого по носу. Тутъ кашеваръ быстро вскочилъ на ноги и насѣлъ на оглушеннаго. Зато и я, въ свою очередь, очутился подъ философомъ, и, пожалуй, плохо бы мнѣ пришлось, если бы въ эту минуту не подоспѣли наши. Сраженіе мигомъ приняло другой оборотъ: грамматики моментально дали тылъ, философы очутились въ плѣну. На счастье, одинъ изъ нихъ оказался землякомъ гимназистика, котораго мы звали кубаремъ, такъ что при его помощи битва закончилась бы полнымъ примиреніемъ. Но, на бѣду, одинъ изъ философовъ, ни съ того ни съ сего, издали швырнулъ камнемъ. Камень попалъ въ кубаря, тотъ освирѣпѣлъ и покраснѣлъ какъ ракъ.

— А если такъ, то бей ихъ, братцы! Валетка, хватай ихъ!

Философы метнулись черезъ заборъ; но одинъ изъ нихъ задѣлъ за сучокъ своимъ длиннополымъ кафтаномъ, и въ одну минуту зубы Валетки впились въ полу нанковаго семинарскаго сюртука. Философъ рванулся отчаянно, но — увы! — длинный хвостъ остался въ зубахъ у Валетки. Живо перескочили мы черезъ заборъ и бросились въ погоню. Валетка догналъ другого философа, который также поплатился полой кафтана. Грамматиковъ же и слѣдъ простылъ.

Собравъ семинарскія полы, мы вздѣли ихъ на палки, вернулись въ лагерь съ трофеями побѣды, подобрали съ земли рыбу, вынули изъ золы картофель, который, къ счастью, не замѣтили нападавшіе,

и весело принялись за обѣдъ. Разговоръ шелъ, конечно, о по-
боищѣ и объ уловѣ птицы. Оказа-
лось, что и прочіе товарищи были
не счастливѣе меня. Птицы было
много, валомъ валила, но стаи ле-
тѣли, не присаживаясь, спѣшили,
словно завтра должна наступить
зима. Утоливъ голодъ, мы верну-
лись на свои мѣста, въ надеждѣ,
что авось будетъ удачнѣе ловъ
подъ вечеръ. Но тутъ насъ ждали
новые сюрпризы.

Грамматики воспользовались на-
шимъ отдыхомъ и у двухъ ловцовъ
сломали лучки, выпустили ман-
ныхъ птицъ, разрушили шалаши.
Снова тревога, снова пустились
мы на поиски за разбойниками,
но безуспѣшно: они скрылись,
какъ въ воду канули. Мы знали,
что они тутъ, близко, знали

также, что они не оставят насъ въ покоѣ, и потому рѣшились съ наступленіемъ сумерекъ перебраться на другое мѣсто, выслѣдить враговъ и ночью напасть на нихъ. Такъ и сдѣлали. Я остался у понцовъ, турокъ засѣлъ у уцѣлѣвшаго лучка, западни мы сняли, маннхъ птицъ припрятали, въ разныхъ углахъ сада выставили скрытыхъ часовыхъ. Ловля не удалась, да и птица не шла; такой ужъ вѣрно день выдался. Только что я хотѣлъ снимать понцы, какъ вдругъ изъ-за яблони порхнулъ прямо на точокъ черный дроздъ, за нимъ другой, третій; я не вытерпѣлъ, дернулъ, понцы взвились и закрыли дорожную добычу. Да, это искупило всѣ неудачи: черный дроздъ былъ цѣнное пріобрѣтеніе! Связавъ имъ крылышки и посадивъ въ ку-

тейку, я снова юркнулъ въ шалашъ. Прошло съ полчаса или больше, но дрозды не показывались, а стайки другихъ птицъ летѣли все также безостановочно мимо. Наступалъ уже вечеръ; со стороны Волги донесся до меня звукъ знакомой пѣсни. То шли наши рыболовы. Наконецъ показались и ихъ фигуры. Я снялъ понцы, уложилъ ихъ и хотѣлъ итти въ лагерь, какъ вдругъ одинъ изъ рыболововъ закричалъ отчаяннымъ голосомъ „караулъ!“ На нихъ опять напали грамматики; но на этотъ разъ грамматикамъ не удалось улизнуть: наши съ разныхъ сторонъ бросились къ мѣсту драки, примчался и кубарь съ Валеткой. Исписали же мы имъ бока! Съ ревомъ и плачемъ враги просили прощенья, клялись никогда больше

не тревожить насъ. На этомъ условіи имъ дана была полная свобода. Оборванная, украшенная синяками, удалилась изъ сада разбитая армія. Безполыхъ философовъ тутъ уже не было; они ушли домой, какъ увѣряли грамматики, но, зная по опыту ихъ коварство, мы рѣшили перекочевать въ другой садъ и въ сумерки отправились туда тихомолкомъ. Тамъ была пасѣка; пчелякъ, нашъ старый знакомый, радушно пріютилъ насъ въ мшанникѣ, куда прячуть пчелъ на зиму. Весело запылалъ костеръ, снова сварили уху изъ принесенной съ Волги рыбы, приготовили яичницу, починили лучки и завалились спать.

На утро, лишь только начало разсвѣтать, мы принялись за ра-

боту. . Мигомъ расчистили точки, устали снасти; но день былъ пасмурный, и на удачную охоту мы не рассчитывали. Оказалось же какъ разъ наоборотъ. Птицы такъ и валили на точки; изъ западней едва успѣвали вынимать ихъ. Это былъ просто баснословный уловъ. Достаточно сказать, что въ половинѣ дня мы не знали, куда дѣвать птицу; все было полно. Тогда, волей-неволей, пришлось прекратить ловлю. Вотъ что мы добыли:

- 133 зяблика,
- 92 чижа,
- 15 реполововъ,
- 21 лѣсную канарейку,
- 17 щеглятъ,
- 3 черныхъ дрозда,
- 48 дроздовъ - рябинниковъ, дрябъ
и бѣлобровиковъ.
- 2 синицы-князька,

17 долгохвостыхъ синицъ и 2 сычиковъ.

Итакъ, рѣшено было прекратить ловлю, пообѣдать, а затѣмъ вернуться домой, разсорттировать и подѣлить между собою добычу. Однако, и этотъ день не обошелся безъ приключенія.

Между нами былъ одинъ товарищъ—толстякъ, котораго мы брали, главнымъ образомъ, какъ охранную стражу и какъ веселаго болтуна. Встрѣтивъ насъ съ добычей, толстякъ презрительно усмѣхнулся.

— Стоило, — говорить, — на такую дрянъ время терять.

— А ты-то что поймалъ?

— Я-то, конечно, не такую дрянъ.

И съ этимъ словомъ онъ вытащилъ изъ-подъ сѣна большущаго русака.

Мы такъ и ахнули отъ удивленія, потому что, хотя у насъ и было ружье, но выстрѣла мы не слышали, да и толстякъ вовсе не мастеръ былъ стрѣлять.

— Ну, такъ и быть, расскажу, садитесь чинно въ кругъ. Пока вы тамъ ловили воробьевъ, я тоже отправился на охоту съ Валеткой. Бродили, бродили мы съ нимъ по садамъ, только вдругъ выскакиваетъ изъ куста этотъ самый господинъ заяцъ. Я отъ него, а Валетка за нимъ. Обернулся—нѣтъ ни русака ни Валетки. Зову, зову я Валетку—нѣтъ его. Ну, думаю, пропалъ! Вдругъ слышу—гдѣ-то далеко онъ залаялъ. Эге! дѣло плохо! Вырѣзалъ я дрючекъ и иду себѣ потихоньку къ нашему лагерю. Вдругъ смотрю, этотъ самый заяцъ какъ скакнетъ черезъ заборъ прямо ко мнѣ, сѣлъ

на заднія лапы и слушаетъ. Слушалъ, слушалъ, потомъ сдѣлалъ прыжокъ, другой, третій. А тутъ у забора былъ сложенъ хворостъ; глядь — мой заяцъ маршъ туда и пропалъ. Немного погодя, прибѣгаетъ Валетка, повертѣлся и кинулся совсѣмъ въ другую сторону. Зову, зову его—нѣтъ, дуетъ себѣ во всѣ лопатки, обѣжалъ во-кругъ сада и опять вернулся ко мнѣ. Тогда я схватилъ его за ошейникъ и подвелъ къ хворосту. Въ эту минуту прямо на насъ выскочилъ русакъ, а Валетка—цапъ его за бокъ. Вотъ и словили друга милаго.

— Да,—замѣтилъ стоявшій тутъ пчелякъ, — русаки любятъ прятаться въ хворостѣ. Вотъ погоди, начнутся пороши, сколько ихъ тутъ разведется въ садахъ—и не

счесть. Ночью гуляютъ, гложутъ яблони, а къ утру и залягутъ въ бурьянъ или подъ хворостъ. Кабы было ружье, сколько бы я ихъ набилъ.

Запали эти слова намъ въ голову. Новая страсть пробудилась въ душахъ охотниковъ, новыя надежды, новыя радости.

— А что, братцы,—не вытерпѣлъ кубарь,—дождемся пороши, да и въ походъ на косыхъ. Не все намъ съ бурсой биться.

Эта мысль всѣмъ пришла въ сердце: рѣшили приняться за вооруженіе. Пчелякъ одобрилъ наше намѣреніе и обѣщалъ всякую помощь. Распростившись съ нимъ, нагруженные богатой добычей, усталые, но веселые, вернулись мы домой. Всю ночь мнѣ снились тогда зайцы.

НА „КОСЫХЪ“.

РАЗСКАЗЪ.

Я живо помню тотъ день, когда мы явились въ гимназію послѣ охоты въ садахъ. Молва о необычайномъ уловѣ птичекъ, о битвѣ съ семинаристами, о русакѣ, пойманномъ Валеткой, мигомъ облетѣла всю гимназію.

Въ большую перемѣну въ 12 $\frac{1}{2}$ часовъ, на площадкѣ, гдѣ висѣли наши шинели, насъ обступили гимназисты всѣхъ классовъ.

— Какъ? Что? Кого? Когда? Да ты не путай, рассказывай порядкомъ, — слышалось со всѣхъ сторонъ, и наша артелька должна была отдавать подробный отчетъ. Шумъ усиливался, кричали раз-

сказчики, кричали допросчики, даже часовые — и тѣ увлеклись.

Герой-толстякъ началъ рассказывать, какъ Валетка схватилъ русака.

— Только что мы подошли, — говорилъ онъ, — заяцъ какъ прыгнетъ изъ хвоста, а Валетка, не будь плохъ, цапъ его!

— Ай!! — раздалось въ эту минуту.

Никогда не забуду этого *ай*. Оказалось, что къ намъ на площадку незамѣтно пробрался Александръ Дмитріевичъ, нашъ инспекторъ. Часовые прозѣвали его, а потому намъ оставалось только молчать; предупредить рассказчика не было возможности, — и въ то самое время, когда его рассказъ дошелъ до подвига Валетки, рука инспектора грузно опустилась на

плечо толстяка. Нужно было видѣть, какъ мгновенно измѣнился нашъ герой-богатырь: онъ вдругъ какъ-то осѣлъ, сморщился, губы и щеки у него дрожали, на глазахъ показались слезы.

— Ага! Ты, Демосѣенъ, о чемъ тутъ ораторствуешь? Пойдемъ-ка со мной!

— Я, Александръ Дмитріевичъ, право, ничего... я только сонъ рассказывалъ... я такъ... право, такъ...

— Ну, ну, увидимъ, какой тамъ сонъ... Валетка.

Что случилось съ слушателями? — спросите вы. Попробуйте бросить горсть гороху на гладкій мраморный полъ. Вся эта толпа, какъ горохъ, мигомъ разсыпалась въ разныя стороны.

Минуть черезъ пять начались классы. Былъ урокъ исторіи. Еще

до прихода учителя къ намъ набралась куча гостей; но ихъ не замѣтилъ бы самый зоркій глазъ. Плотной кучкой упрятались они подъ задней лавкой. Пришелъ учитель. Урокъ исторіи тянулся своимъ чередомъ, а назади шла своя исторія. Подъ лавками и столами устроился настоящій клубъ. Разсказъ о битвѣ съ семинаристами чередовался съ разсказами объ охотѣ, и въ то же время шелъ горячій торгъ птицами. Чижи, зяблики и прочая птаха продавались за булки, карандаши, за листъ бумаги. Но больше всего волновала исторія съ зайцемъ. Кажись, кликни только кто кличъ,—вся гимназія въ первый же праздникъ пошла бы въ походъ на „косыхъ“.

Почти такъ и случилось. Въ слѣдующее воскресенье съ пол-

сотни гимназистовъ отправились въ сады, — кто съ ружьемъ, кто съ собакой, а кто и просто съ палкой. Конечно, зайцевъ и въ глаза не видали, — пострѣляли въ цѣль, убили двухъ-трехъ галокъ да съ тѣмъ и вернулись, словно дѣло сдѣлали. Мы съ ними не пошли, потому что на умѣ у насъ было другое. Крѣпко запали намъ въ голову слова пчеляка, что надо итти, когда будетъ пороша. Ждемъ - пождемъ, а снѣгу все нѣтъ. Прошелъ сентябрь, наловили мы пропасть птицъ; начались заморозки, попеременно съ дождями. Наконецъ какъ разъ за день до Покрова увидали мы первыя снѣжинки. Словно бѣлыя мушки крутились онѣ въ воздухѣ, падали на землю и мгновенно таяли. Но вотъ этихъ мушекъ стало падать

все больше и больше, закрутились онѣ цѣлымъ роемъ. Мелкія снѣжинки превратились въ цѣлые хлопья. „Прикати, желанная“, говорили мы и не могли оторваться отъ окна. Наступилъ вечеръ, а снѣгъ такъ и валить, не унимается. Радости нашей не было мѣры. Дѣло было какъ разъ съ пятницы на субботу. Долго - долго не могли мы заснуть, мечтая о завтрашнемъ днѣ.

Настало утро, и радостно забились наши охотничьи сердца. Бѣлый, чистый, пушистый снѣгъ покрылъ ровной пеленой и улицы и крыши домовъ. Кончился, наконецъ, классъ, длинный - предлинный, какъ намъ казалось, и вотъ мы разбѣжались по домамъ, — пообедали наскоро, а затѣмъ вся компанія собралась въ условномъ

мѣстѣ, на Вѣнцѣ (такъ называется край Симбирской горы, гдѣ начинается спускъ къ Волгѣ). Узкими переулочками между садами добрались мы до жилища пчеляка. Наступили сумерки; объ охотѣ ужъ, конечно, нечего было и думать. Старикъ встрѣтилъ насъ какъ старыхъ друзей: притащилъ молочка, хлѣба, медку сотоваго, потомъ принесъ цѣлую охапку сѣна и бросилъ ее на полу избушки. Поѣли мы, поболтали и завалились спать на душистомъ сѣнѣ. На утро старикъ разбудилъ насъ ранехонько.

— Ну, ужъ, — говоритъ, — задачливы же вы. Съ вечера опять потрусилъ снѣжокъ. Пороша мертвая, печатная: зайца бери хоть руками. Только какъ же вы пойдете?

— А что?

— Да артелью-то итти неладно. А вы разбейтесь по-двое: одинъ слѣдить, другой блюдетъ. Вотъ и будетъ толкъ.

Такъ мы и сдѣлали. Всѣхъ насъ было семь человѣкъ, поэтому бросили жребій, кому съ кѣмъ итти. По жеребьевкѣ я оказался заштатнымъ одиночкой. Дѣлать нечего, пошелъ одинъ.

Пороша была, дѣйствительно, рѣдкая. Рыхлый снѣгъ укрылъ землю вершка на два. Чудный свѣжій воздухъ такъ и врывался въ грудь. Въ садахъ была мертвая тишина. Прошелъ я одинъ садъ, перелѣзъ въ другой,—нѣтъ ничего, только кое-гдѣ виденъ мышиный слѣдокъ. Ага, вотъ и онъ, вотъ и русачина! Бойкими прыжками пробѣжалъ онъ ночью по саду. Я нагнулся и сталъ разсматривать

его слѣдъ. Печатный, какъ есть — печатный! Всѣ ноготки видны. Ну, косою, не уйдешь!

О, я былъ увѣренъ въ этомъ! Мнѣ казалось, что стоитъ только пойти по слѣду, и непременно дойдешь до логова зайца. Вѣдь онъ не птица, летать не можетъ. И я зашагаль по слѣду; онъ привелъ меня къ плетню, къ тому самому мѣсту, гдѣ заяцъ пролѣзъ сквозь большую дыру. Я перелѣзъ черезъ плетень и очутился въ огородѣ. Заяцъ, очевидно, приходилъ сюда поужинать: слѣды указывали, какъ онъ гулялъ по грядамъ, грызъ обрубленный кочень капусты, листья брюквы; затѣмъ слѣды такъ перепутались, что я добрыхъ полчаса напрасно проходилъ по капустнику, отыскивая ихъ нить. Тогда я попробо-

валъ обойти гряды кругомъ и сейчасъ же напалъ на выходъ зайца. Лѣнивыми скачками косою направился по огороду, присѣлъ передъ плетнемъ, перескочилъ черезъ него въ сосѣдній садъ и прошелъ по немъ ровными прыжками. Но что же это такое? Навстрѣчу моему зайцу, по тому же слѣду, какъ будто шелъ другой,—и какъ ловко, лапка въ лапку. Иду дальше и держу въ памяти пословицу, что за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь. Вдругъ, что за чудо! Слѣды пропали совсѣмъ: ни того ни другого зайца слѣдовъ какъ не бывало. Туда, сюда! — нѣтъ ничего. Вернулся назадъ, да ну-ка разбирать. Эге! Наконецъ-то, понялъ... Шелъ, шелъ мой зайчина, да и поворотилъ назадъ тѣмъ же слѣдомъ, а потомъ

скакнулъ въ сторону и пошелъ опять мелкими скачками. Саженьъ черезъ десять повторилась та же исторія: вернулся заяцъ назадъ по своему слѣду и снова сдѣлалъ скачокъ въ сторону, а еще саженьъ черезъ двадцать онъ выкинулъ такую штуку, что я не зналъ, что и дѣлать.

Слѣды опять совсѣмъ перепутались. Остановился я въ раздумьи и читаю эту заячью грамоту. Не знаю, гдѣ искать косога. Вдругъ за моей спиной, невдалекѣ, раздался выстрѣлъ. Я обернулся. Между яблонями стелется дымокъ, а за нимъ, словно призракъ, стоитъ высокій, сутуловатый старикъ. Бѣлая, окладистая борода, странный, скомканный картузь съ большимъ козырькомъ, засаленный старый полушубчишко, въ рукахъ

ружье. Признаться, я растерялся, — струсилъ въ первую минуту. Я думалъ, что передо мной видѣніе. Но страхъ мой сейчасъ же разсѣялся. Видѣніе заколыхалось, закинуло ружье на плечо, лѣвая рука потянулась за пазуху и вытащила оттуда тавлинку, правая — щелкнула по крышкѣ ея, захватила щепоть табаку и поднесла ее къ носу. Медленно втягивалъ этотъ носъ, то той, то другой ноздрей, любимое зелье, отъ удовольствія шевелилась сѣдая борода. Наконецъ рука оторвалась отъ носу, щелкнула пальцами, тавлинка исчезла за пазухой; видѣніе крякнуло, диковинный картузь приподнялся съ головы.

— Добраго здоровья, сударь! — произнесъ старческій голосъ, и незнакомецъ зашагалъ ко мнѣ,

подошелъ и снова крикнулъ. — Зайчика изволите слѣдить? — И сѣрые глаза старикашки забѣгали по снѣгу. Я чувствовалъ себя неловко, точно на экзаменѣ.

— Да, зайца, да вотъ не знаю, куда онъ дѣлся, не разберу.

— Надо полагать, сударь, что въ первый разъ изволите охотиться?

Я такъ и вспыхнулъ. Какъ это онъ узналъ? Вѣрно, я какую-нибудь глупость сдѣлалъ.

— А что?

— Да такъ, — видать. Надулъ васъ куцый.

— Какъ надулъ?

— Да такъ, напуталъ вамъ тутъ тарабарскую грамоту; пока вы ее разбираете, а его и слѣдъ простылъ.

Я окончательно растерялся.

— Да гдѣ же онъ?

Улыбнулся старикъ, снова досталъ тавлинку и зарядилъ носъ.

— А вы, баринокъ, чьи?

Я назвалъ себя.

— Да вы, значить, внучекъ Надежды Алексѣевны?

— Да.

— Ахъ, батюшки - свѣты! Вотъ привелось когда увидѣть. Вѣдь я вашему прадѣдушкѣ служилъ, да и дѣдушкѣ Борису Петровичу.

— Какъ же тебя, дѣдушка, звать-то?

— Егоръ Степановъ я, батюшка, чать слышали? Тридцать лѣтъ у вашего дѣдушки доѣзжачимъ былъ, и на волю онъ меня, царство ему небесное, передъ смертью отпустилъ. Ахъ, баринокъ мой! видно, вы по охотѣ-то въ дѣдушку пошли. Коль довелось, такъ послужу

и вамъ. Только простите окаяннаго: не зналъ, — согрѣшилъ передъ вами. Зайчика-то вашего я убилъ.

Я рѣшительно ничего не понималъ.

— Ну, вотъ теперь за то отслужу. Косой-то васъ надулъ. А вамъ и невдомекъ, что онъ вонъ гдѣ лежалъ.

Я взглянулъ, и дѣйствительно, саженьяхъ въ двухъ отъ насъ, въ кустахъ малины, чернѣло свѣжее логово зайца.

— Пока вы тутъ слѣды его разбирали, а онъ, не будь плохъ, и далъ стрѣчка мягкими ногами. Пойдемте-ка со мной.

Мы двинулись по слѣду, прошли сажень десять, — глядь, лежитъ мой русакъ на снѣгу: большущій такой, глаза на выкатѣ, бѣлая

шерсть взъерошена, а на спинѣ курчавый бурый ремень.

— Ну и русачокъ же! — сказалъ Егоръ Степановъ, поднимая зайца. — Въ немъ фунтовъ пятнадцать будетъ. На другого бы я и не позарился.

Привязалъ онъ русака себѣ за спину, зарядилъ ружье, да кстати и носъ, и мы двинулись въ путь.

— Я ужъ вамъ, сударь, представлю русачка, — говорилъ Егоръ Степановъ.

Прошли мы два сада, перелѣзли въ третій.

— Ну, вотъ, сударь, и маликъ (такъ называется у охотниковъ заячій слѣдъ). Только по немъ не ходите, чтобъ не затоптать. Это не по-охотничьи.

Держась заячьяго слѣда, я увидѣлъ опять ту же исторію. Русакъ

бродилъ, разрывалъ снѣгъ, поѣдалъ травинки, грызъ кору на деревьяхъ и шелъ дальше. А въ одномъ мѣстѣ слѣдъ опять спутался.

— Вотъ, сударь, — остановилъ меня Егоръ Степановъ, — вы и знайте: какъ начнетъ русакъ метать петли, значитъ, онъ высмотрѣлъ себѣ логово и хочетъ ложиться, — сдѣлаетъ на снѣгу петлю, а затѣмъ и прыгнетъ въ сторону. Это по-нашему называется сметка. Вы по петлѣ-то не ходите, а какъ дойдете до нея, такъ и ищите сметки.

И дѣйствительно, заглянулъ я направо, а сметка тутъ какъ тутъ. На добрую сажень отпрыгнулъ зайчина и пошелъ дальше.

— Послѣ первой петли, — продолжалъ Егоръ Степановъ, — онъ

сдѣлаеть вторую, а спустя немного, и третью. Послѣ третьей, почитай, всегда ужъ ложится.

Слова старика вполнѣ оправдались, и я невольно подивился его знанію. Подошли мы къ третьей петлѣ.

— Ну, теперь, баринокъ, — сказалъ мнѣ шопотомъ Егоръ, — сметву искать нечего; надо напередъ осмотрѣться: гдѣ удульчикъ снѣга, гдѣ кустикъ бурьяна, либо кочка какая, — тутъ безпремѣнно и лежитъ заяцъ. Ну, баринокъ, гдѣ же нашъ русакъ?

Какъ я ни разглядывалъ кругомъ, нигдѣ ничего не видалъ, — ни бурьяна ни кочекъ. Старикъ смотрѣлъ на меня съ усмѣшкой, потомъ наклонился, взялъ меня за плечо, повернулъ и указалъ рукой.

— Видите? Ну, теперь стрѣляйте, да только не торопитесь.

Сначала я ничего не могъ разобратить; потомъ вдругъ вижу, около забора, подъ срѣзанной вѣткой яблони, укрытой снѣгомъ, двигаются уши.

— Не торопитесь, не торопитесь!—шепчетъ Егоръ Степановъ.— Прицѣльтесь хорошенько.

Я прицѣлился; но руки дрожать, пальцы не слушаются. Поднялъ ружье опять, раздался выстрѣлъ.

— Ай-да, сударикъ! — крикнулъ Егоръ Степановъ и побѣжалъ къ зайцу. Я тоже, но, конечно, поспѣлъ раньше его и крѣпко ухватилъ мою первую добычу.

— Ну, вотъ починъ мы и сдѣлали. Правда, заяцъ-то прибылой (такъ называются зайцы, родив-

шіеся въ текущемъ году), да это ничего: на такомъ-то и учиться. Прибылой еще глупъ, не такъ воровать, какъ старый.

Второчилъ я съ торжествомъ зайца за спину, и мы двинулись дальше. Однако, въ тотъ день поохотиться намъ больше не удалось: снова пошелъ снѣжокъ, запорошилъ старые слѣды. Я уже хотѣлъ проститься съ Егоромъ, чтобы вернуться къ своимъ, но онъ такъ меня упрашивалъ зайти къ нему, что отказать не было никакой возможности.

— Переночуйте у меня, баринокъ, вѣдь не чужой вы мнѣ. Покажу вамъ свою охотку, а на утро и еще зайчиковъ найдемъ. — И мы зашагали къ его саду.

Егоръ Степановъ былъ типичный дворовый стараго времени.

Отпущенный на волю моимъ дѣдушкой, онъ перепробовалъ всякое дѣло: и торговалъ, и землю снималъ, и пахать пытался, и сады арендовалъ, но никакого изъ этого проку не выходило, такъ что, въ концѣ - концовъ, онъ пристроился сторожемъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ яблоновыхъ садовъ Симбирска, у купца Карташова. Сторожъ вышелъ изъ него примѣрный. Обзавелся онъ домкомъ, купилъ телку, вырастилъ изъ нея корову, устроилъ себѣ огородикъ, а главное, — занялся охотой. Были у него двѣ гончія собаки, былъ у него брылястый легашъ, и все свободное время онъ проводилъ на охотѣ. Ради такой-то охоты и дорожилъ имъ хозяинъ. У другихъ, за зиму, зайцы такъ обгложутъ молодые

яблони, что всё онъ погибнуть; но къ Егору Степанову въ садъ лучше и не суйся: живо подцѣпить косога вора. Лѣтомъ, когда въ иныхъ садахъ двуногіе зайцы по ночамъ нагружаютъ цѣлые мѣшки ворованными яблоками, къ Егору Степанову за этимъ лучше и не ходи. Шумило и Громило (такъ назывались его гончія собаки) да легашъ Трезоръ такую зададутъ трепку, что яблокамъ радъ не будешь. Охотиться же старику было вволю. Весной спускался онъ къ Волгѣ съ Трезоркой, садился на челнокъ, переѣзжалъ въ поповскіе луга и стрѣлялъ тамъ жирныхъ дупелей досыта. Придетъ іюнь мѣсяць — въ тѣхъ же лугахъ увидишь Егора Степанова съ дудочкой и съ сѣтью. Это онъ перепеловъ кроетъ. Около

Казанской онъ бродить по зорямъ, вынашиваетъ ястреба, а въ августѣ травить на поляхъ ястребами перепеловъ. Наступить сентябрь — звонко трубить его рогъ по окрестнымъ лѣсамъ и садамъ, — то работаютъ его гончія, добывая и зайца и лису. Наступить зима — бродить старый по порошамъ или разставляетъ капканы, а не то цѣлыя морозныя ночи просиживаетъ на привадѣ, поджидая волковъ. Придетъ весна — вынесетъ онъ на озеро свою круговую уточку и пострѣливаетъ красивыхъ селезней. Тепло и уютно жилось старику многіе годы. Что добудетъ — снесетъ знакомымъ господамъ, а ихъ у него было чуть не весь городъ: кто дастъ денегъ за дичь, кто гороху, кто овсеца, кто мучки. Между купцами онъ слылъ за перваго знатока

соловьевъ и перепеловъ, и платили они ему за добрыхъ пѣвцовъ немалыя деньги. Вотъ къ этому-то Немвроду ¹⁾ судьба и толкнула меня въ обученіе.

Все разсказанное я узналъ потомъ, а въ то время, какъ мы шли, я только дивился, глядя на эту колоссальную загадочную фигуру.

Долго пришлось намъ шагать; хлопья снѣга залѣпляли глаза, таяли на лицѣ. Начало вечерѣть; ноги мои постепенно тяжелѣли, заяцъ тянулъ плечо. Наконецъ мы перелѣзли черезъ какой-то заборъ, при чемъ не мало покряхтѣлъ мой Степанычъ.

— А вотъ, батюшка, и моя берлога, — объявилъ онъ.

Между яблонями свѣтился огонекъ, и мы направились къ нему.

¹⁾ Немвродъ — древній вавилонскій царь, славившійся какъ охотникъ.

Какъ ни мягокъ былъ снѣгъ, а добрые псы Степаныча почуяли насъ. Звонкимъ теноромъ залилась одна собачонка, ей тотчасъ же подтянули баритонъ и густой басъ. Надъ моимъ ухомъ раздался богатырскій посвистъ Степаныча. Онъ свистнулъ, словно сказочный Соловей Разбойникъ со своихъ семи дубовъ.

— Сюда, сюда, собаченьки!—гаркнулъ онъ.

Я такъ и вздрогнулъ. Никогда въ жизни не случилось мнѣ слышать такого человѣчьяго голоса. Ужъ не къ сказочному ли колдуну я попалъ!.. Съ шумомъ распахнулась калитка, и оттуда хлынула какая-то черная масса. Раздался въ воздухѣ визгъ, вой. Я окончательно растерялся. Кругомъ насъ бѣгали какія-то черныя фигуры, толкались, визжали, одна лизнула мнѣ носъ.

— Ого-го-оо! — загудѣлъ надъ моимъ ухомъ тотъ же могучій, волшебный голосъ. Черезъ минуту мы очутились въ уютной, теплой комнаткѣ, слабо освѣщенной сальной свѣчкой. Сгорбленная, худенькая старушка, съ краснымъ носомъ, съ лицомъ, напоминающимъ индюшку, оглядывала меня съ недоумѣніемъ.

— Чего глядишь, Ивановна? Это внучекъ Бориса Петровича. Ставь самоваръ скорѣе да раскошеливайся, давай намъ поѣсть.

Ивановна такъ руками и развела.

— Ахъ, батюшка! и видѣть-то не чаяла!

— Ну, ну, послѣ нагладишься, теперь некогда.

Старикъ живо разоблачился и принялся за меня.

— А вы, батюшка, сапожки снимите, чать, ножки - то промокли.

Ивановна, дай - ка чулки шерстяные.

Только теперь я почувствовалъ, что я и усталъ и озябъ. Старикъ теръ мои ноги, надѣвалъ на нихъ чулки и ворчалъ на старуху, зачѣмъ у ней самоваръ не кипитъ. Точно во снѣ напился я чаю, да, кажется, тутъ же и заснулъ. Проснувшись утромъ, я съ удивленіемъ осматривался, не понимая, гдѣ это я. На окнахъ — клѣтки, на потолкѣ — клѣтки, въ сосѣдней каморкѣ что-то шуршитъ. Вотъ отворяется дверь, тихонько входитъ Степанычъ.

— Что, барекъ, изволили проснуться? Только задачи намъ нѣтъ, поэтому я и не будилъ вашу милость.

— А что?

— Да непогодь, будь ей неладно! То дождикъ, то крупа. Хоть носъ не кажи на дворъ.

Я сталъ одѣваться, Степанычъ усердно помогалъ мнѣ. Явилась Ивановна съ самоварчикомъ. И чего только не натащила тутъ: и варенья, и колачиковъ, и сотоваго медку, и сливочекъ такихъ, что въ нихъ ложка вязла. Досадно мнѣ было, что охота пропала, но, съ другой стороны, было чего посмотреть тутъ. Показалъ мнѣ Степанычъ своихъ знаменитыхъ соловьевъ, изъ которыхъ одинъ жилъ у него седьмой годъ.

— Пятьдесятъ рублей, батюшка, даютъ, да развѣ когда помру, отдамъ, — говоритъ Степанычъ, — потому въ деньгахъ сытости нѣтъ. Сколько ни давай — все мало, а такого соловья не найдешь.

Были у него тутъ и жаворонки и перепела отборные, а въ сѣняхъ, въ чуланчикѣ, сидѣли ястреба-перепелятники.

— Это, батюшка, еще при покойномъ вашемъ прадѣдушкѣ Алексѣѣ Маркелычѣ у насъ заведеніе было. Я да Ванька косой, Василій Филипповъ,—трое мы къ этому дѣлу приставлены были. Въ Бекшанкѣ, гдѣ вы изволите жить, цѣлая изба у насъ была для ястребовъ-то. И столько мы этого перепела травили, что и счету нѣтъ.

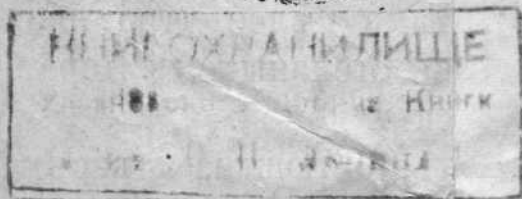
Вышли мы на дворъ, а тамъ—другая охота. Окружили насъ собаки, утки, съ чердака слетались голуби. Такъ цѣлое утро провозились мы съ Степанычемъ. Пора было собираться и домой.

— Нѣтъ, батюшка, я васъ самъ предоставлю бабушкѣ,—сказалъ Степанычъ.

Запрягъ онъ въ телѣгу старую сивую лошадку, и потащила она насъ на крутую Смоленскую гору.

Сон

Подавленный новыми впечатлѣ-
ніями, я нѣсколько дней не могъ
прійти въ себя. Степанычъ, самъ
того не вѣдая, открылъ мнѣ новый
міръ. Птицеловъ сдѣлался охотни-
комъ, и многому-многому научился
я у этого стараго слуги мое

59/125

